

Татьяна Тишунина

Незабываемая «Чураевка»

Харбин. Свято-Николаевская
соборная площадь. 30-е годы XX в.

В 2005 году Отдел литературы русского зарубежья РГБ получил ценный дар в виде 263 экземпляров изданий дальневосточной ветви русской эмиграции от Владимира Александровича Слободчиков. Значимость коллекции определяется не только количественной характеристикой (несмотря на то, что в 125-тысячном фонде отдела «китайское направление» представляют меньше тысячи печатных изданий). Уникальны книги, содержащие автографы крупных деятелей русской эмиграции, часть которых даже не отражена в библиографических сборниках. В знак благодарности генеральный директор РГБ В.В. Федоров вручил Владимиру Александровичу почётную Юбилейную медаль Николая Петровича Румянцева, основателя Российской государственной библиотеки.

Условно коллекцию можно разделить на 2 части: книги 20–40-х годов XX века, принадлежащие М.В. Щербатову, и более поздние издания, собранные В.А. Слободчиковым.

Ядро коллекции составляют издания знаменитой «Чураевки» – примечательного явления литературной жизни Харбина 20-х и в особенности 30-х годов XX в. Это было объединение молодёжи, оторванной от родины и брошенной волей судьбы в далёкий русско-китайский город Харбин. Несколько необычное название объединения было предложено поэтом Алексеем Алексеевичем Ачаиром (Грызовым). Для названия он позаимствовал фамилию героев книги «Братья Чураевы» популярного в те годы сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883–1964), где рассказывается о группе молодых людей, объединившихся для совместной творческой работы. Ачаир и стал руководителем объединения. Собрания «Чураевки» проходили по вторникам за чашкой чая в помещении гимназии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ).

Работа литературного объединения приобрела регулярный характер: проводились открытые для всех желающих «Вторники» с докладом приглашённого деятеля культуры и закрытые «Пятницы» (поэтическая студия). В.А. Слободчиков вспоминает, как однажды в гости к молодёжи

Татьяна Борисовна
Тишунина – главный
библиотекарь отдела
литературы русского
зарубежья РГБ.

В.А. Слободчиков (в центре),
заведующая отделом
литературы русского
зарубежья Н.В. Рыжак
и доктор филологических
наук В.В. Агеносов.
Слева – книга воспоминаний
В.А. Слободчикова.

Шанхайская «Чураевка».

Газетная фотография. На обороте рукой собирателя указаны фамилии участников студии.

пришёл знаменитый художник и мыслитель Николай Константинович Рерих, направлявшийся через Харбин в Тибет. Он рассказывал о Сергии Радонежском. С докладами на литературные, искусствоведческие темы выступали представители старшего поколения русских литераторов: Арсений Несмелов, Всеволод Н. Иванов, Евгений Яшнов.

Хотя заседания студии считались закрытыми, на правах гостей их стали посещать начинающие литераторы. Наиболее способные и активные из них вступали в «Чураевку». Таким образом к студии примкнули Михаил Волин, Тамара и Нина Мокринские, Валерий Перелешин, Николай Петерец, Лидия Хаиндрова, Виктория Янковская, Владимир Слободчиков и другие. Характерной чертой студийцев было последовательное увлечение творчеством поэтов разных направлений. Выше всех признавались Валерий Брюсов и Андрей Белый. Например, если говорилось, что стихотворение написано в духе Белого, это считалось для автора высшей похвалой.

В памяти В.А. Слободчикова сохранился курьёзный случай, описанный им в книге «О судьбе изгнанников печальной» (М., 2005): «Любитель шуток Пётр Петро-

вич Лапикен (или попросту Мура, как его звали чураевцы) как-то распространил слух, что он переписывается с Белым. Однажды он принёс в студию своё стихотворение, объявив, что это новое произведение, которое поэт прислал лично ему. Хотя стихотворение не отличалось большим мастерством, студийцы стали находить в нём поразительные черты совершенства. Особенно восхищался Николай Щёголев, на которого и было направлено острое шутки Лапикена. Когда восторги поутихли, Мура объявил, ко всеобщему конфузу, что это стихотворение он написал сам, и тут Щёголев вскрыл в нем бесконечные огрехи».

В 30-е годы объединение издавало ежемесячную газету «Чураевка», печатавшую стихи и рассказы молодых литераторов под редакцией В. Перелешина. Интересными мероприятиями «Чураевки» были конкурсы поэтических произведений. Например, в первом конкурсе приняли участие 14 человек, представивших более 45 стихотворений на две предложенные темы: «Восток» и свободную. Первую премию по теме «Восток» получил поэт и переводчик Николай Светлов за стихотворение «Пятна на Луне»; на свободную тему, по мне-

На многих книгах из собрания В.А. Сlobодчикова – автографы авторов. Теперь это такая же часть истории, как и оставшийся в прошлом «Русский Харбин».

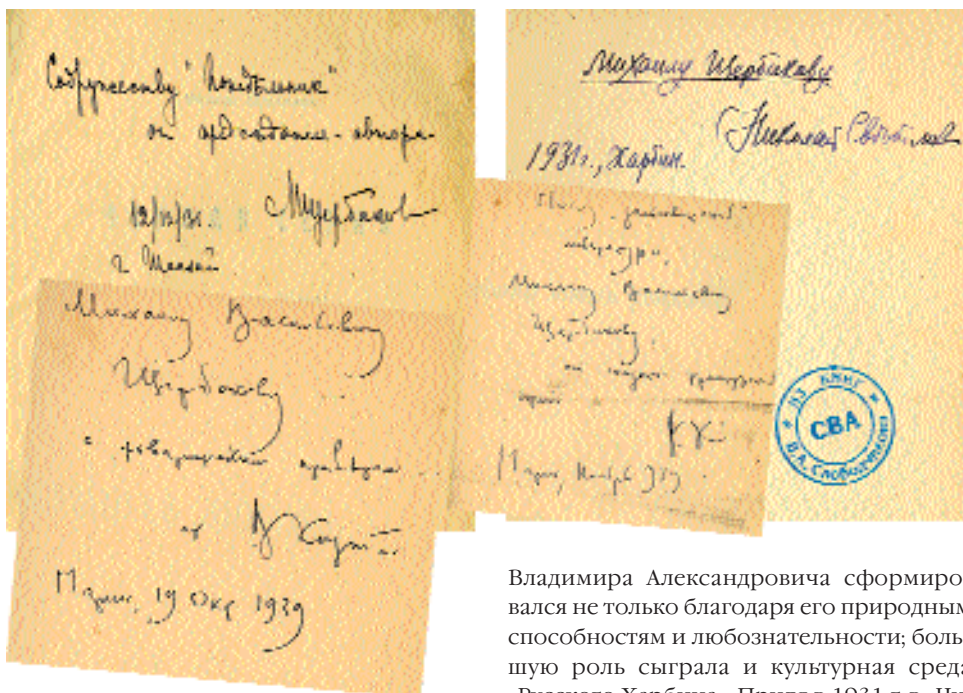

Харбинь, угол Китайский и Московской ул. — Славян, КНатская Учке Мостовка

Харбинь, Центральная банк — Славян, Zentsalbad.

нию жюри, лучшим было стихотворение Е. Рачинской «Весенние триолеты» («Сад в цвете яблонь, в белой пене, и дверь раскрыта на балкон...»).

В середине 1930-х гг. начался массовый исход русских из Харбина в связи с обострившейся политической ситуацией: японцы стали создавать военизированные отряды, куда забирали русских молодых людей. Таким образом большинство чураевцев к началу 1935 г. оказалось в Шанхае, где по примеру харбинской была организована шанхайская «Чураевка».

За годы деятельности «Чураевки» было выпущено четыре сборника стихотворений, представленных в нашей коллекции: «Лестница в облака», «Семеро», «Багульник» и «Излучины». Вышли авторские сборники участников объединения: «Лаконизмы» А. Ачаира, «Беженская поэма», «Поэма еды» и Вс. Иванова «Сонеты», Арс. Несмелова «Кровавый отблеск», В. Перелешина «В пути», «Звезда над морем», О. Скопиченко «Путь изгнанника» и др.

Среди участников объединения, чей поэтический дар только начинал формироваться в ту эпоху, находился и наш даритель – Владимир Александрович Слободчиков. Родившийся в 1913 г. в Самаре в семье присяжного поверенного, он семилетним мальчиком вместе с родителями оказывается в Харбине. Там он получает добротное образование, закончив гимназию имени Достоевского и музыкальную школу. Затем продолжил учёбу на юридическом факультете. Широкий круг интересов

Владимира Александровича сформировался не только благодаря его природным способностям и любознательности; большую роль сыграла и культурная среда «Русского Харбина». Придя в 1931 г. в «Чураевку», молодой человек начал постигать основы поэтического мастерства, стал печататься в различных изданиях Харбина и Шанхая. После окончания Второй мировой войны – вынужденный отъезд в СССР (как и многие, он прошёл через Бутырку и Лубянку). На родине В.А. Слободчиков стал учёным-филологом, преподавателем и автором учебников французского языка для средней школы. В нашей коллекции творчество Владимира Александровича представлено единственным вышедшим в России в 2003 г. тиражом 300 экземпляров сборником его стихотворений «Земля отцов». Сюда вошли избранные стихи разных лет, в том числе и созданные в период эмиграции:

*А в юности – горячий ветер Гоби,
Хинганских гор сияние вдали...
Сердцебиение...*

*Вспышки странной скорби...
Летящие на север журавли...*

Другая судьба, нити которой начинаются в «Чураевке», а заканчиваются в СССР, – Лидия Юлиановна Хаиндрова. Проведя детство в имении деда в Грузии (село Лехиндрово), она в 1916 г. попадает в Харбин, где в 1925 г. заканчивает 7 классов гимназии М.А. Оксаковской. С 1928 г. работает заведующей отделом писем в газете «Заря»; печатается в журнале «Рубеж» и посещает «Чураевку». Первый сборник её стихов «Ступени», напечатанный в Харбине в 1938 г., с автографом, теперь хранится в нашем фонде. Уже в этом сборнике Лидия Хаиндрова

рова предстаёт перед читателями как поэсса лирического склада, в ранних стихах которой сильна тема одиночества:

*Это ты, одиночество, шепчешь мне снова,
Шепчешь мне про дыханье чужого тепла,
Даже книжка крылатых стихов Гумилёва
Увести от тебя не смогла.*

В 1937 г. Л. Хаиндрова переехала в Дайрен (впоследствии Дальний), где была председателем литературного кружка. 1 августа 1942 г. по распоряжению японской военной миссии Лидия Юлиановна была уволена с работы с запрещением печататься где-либо. Мотивировка – «вредное влияние на русскую эмиграцию, постепенно теряющую антикоммунистическое сознание». В 1943 г. она вынуждена была уехать в Шанхай, где издала сборник «На распутье».

Приехав в 1947 г. в СССР, Лидия Хаиндрова вместе со многими другими репатрированными поселяется в Казани и работает корректором в издательстве «Красная Татария». Спустя четверть века, уже в Краснодаре, выходит её сборник стихов «Даты, даты...», где автор говорит о своей трудной творческой судьбе:

*Платила я двойною платой
За каждый шаг свой на земле.
Шла будто улицей горбатой,
То солнцепёком, то во мгле...*

Экземпляр этого сборника с дарственной надписью автора В.А. Слободчикову – теперь в нашем собрании.

Всеобщей любимицей, по единодушному мнению многих участников литературной жизни Харбина, была поэтесса и балерина, исполнительница характерных танцев на эстраде – Ларисса Андерсен. В.А. Слободчиков вспоминает, что «Ларисса прочитала как-то: “Лучшие песни мои не спеты, / Лучшие песни мои со мной”. Ачаир улыбнулся и сказал: “Её лучшая песня – это она сама”». Подтверждение этой мысли находим и у Юстины Владимировны Крузенштерн-Петерец – поэтессы и переводчицы (1903–1983): «...А над всем царила, как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию – Ларисса Андерсен...»

В 1940 г. Л. Андерсен выпустила в Шанхае свой единственный сборник стихотворений «По земным лугам», представленный в нашей коллекции. В настоящее время Л. Андерсен проживает во Франции, где, по её словам, на лугах, «как в России синеют, смеясь, васильки...». В 1980-е гг. была составлена антология поэзии дальневосточников – «Остров Лариссы», куда

вошли стихи восемнадцати эмигрантских поэтов, посвящённых их музе.

Пожалуй, самым творчески плодовитым представителем молодого поколения чурасцев можно назвать Валерия Францевича Перелешина (1913–1992), начавшего печатать свои стихи в 1932 г. в журнале «Рубеж». В судьбе его – не только странствия – Харбин, Пекин, Шанхай, с 1953 г. Рио-де-Жанейро, – но и духовные искания, раздумья (в 1938 г. он принимает монашество). О жизни автора многое известно из его стихов – в большинстве своём они автобиографичны: родился «у быстрой неукротимой Ангары»; в юности попал в Китай – «в страну шелков, и чая, и лотосов, и вееров»; «остаток дней» провёл в Бразилии; и мысли о Родине:

*А теперь, словно голос долга,
Голос дома поёт во мне.
Вольное слово – Волга
На эфирной плывёт волне.
Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд
Я – до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.*

В нашем собрании хранятся 13 поэтических сборников В. Перелешина и его переводы китайских и бразильских авторов.

В 1937 г. русская эмиграция широко отмечала 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. В Шанхае был образован Пушкинский

неизвестность

Арсению Нескельскому

Ударяю книгу сверлом пучины,
 В халях суто и чужде,
 А ридом швыряю веретны
 Бьют к борт и в толовое стекло.

Еще этап, еще потеря,
 А дума — нечего терять!
 О, сердце обдуло, и бездны
 Ты вновь обрекло стучать...

Улица дои навки во краях,
 И Пещера за станком, —
 Мы, откося без Итали,
 Каким предстимся жинком?

Не все равно-ли, где оставить
 Сидя мимолетный корабль:
 В моральных жорях встать,
 Или рвать льдинным тоя?

Нам каждый берег будет чужим,
 Непутевой кадра земля,
 Нога под облаком жемчужным
 Не замесит кресты Кремля!

Желтое море.
1922.

1

КНИЖНЫЕ УКРАШЕНИЯ
Художника Михаила УРВАНЦЕВА

Вишня.

Холодно.

На бумажных янвй, за рйоткой бамбука,
 карая-пелля з чашечкй саше-угорной.

Долега мука
 жодригла росток жезловорной..

Падлет одна гурбигаи збига
 рзювак зоем прйбкоп.

Переллет тростинкоп —
 как кблтка.

Москва. Янвня.
1920.

24

Фонтан.

Китайская кашинка.

Фей — тельно-шелковистая ласта,
 В кельях во бархатис оранжовых — фонтан
 ревиет за пазурем обрешуриних кашпн.

Над пританенейся водою краснют ласты;
 их отраженья вторажились,
 подлавы стайной рыбес златых.

Среди фантоных зеленых гал
 лановы бабочки гелюбрия,
 а около парнисной колотух —
 лазурный закородох с ланннх кивком.

Пдали, меж сосен, видво море
 в облака пресрочно-розных жорня.

Гонконг.
1921.

25

Соотвѣтствіе

Сонет.

Войти ступени, мшию оставил гай,
Прямож тронутых поел и темновейших сосен,
И друг над плащом, мой лист кровавит осень,
В сплосктом воздухѣ — рваной на своих храм.

Амидь-ан, Фудо, или шик богал,
Которых над старин и смертному неспосен,
Кому ты пощадил? Кому в разсѣлах восток,
От обих пыльных грузи желодит фидлах?

В отрядѣ законов пространство мѣрит ланон
Старушка в ливон, свершил свой обит,
И ливоня падает жолноа ей мѣнет.

Так дальний кестрожит в пачинѣ над озерам,
Сосѣда посетуов по вѣтху плету,
Павронт же Прандингъ семинкув сѣтчу.

Фуван, Юрес,
1922.

8

карабей

Сонет.

На перстѣх релових полова днѣх сѣтфен,
Джуриный скаробей, ты солонку неспаратен,
Подплатий в ланѣх днѣх, как снмѣл и закон,
Фенц и снѣ и брат пачелѣтнѣх мифон.

Сислелутый в тѣлоу тѣсѣхѣй тергѣтфен,
В закрѣбных сѣрѣтнѣх пѣтѣх пѣтнѣх времен,
Хранит тебе и грузи металнѣх фарѣн,
Но сарѣтфат царя отробѣа робъ ванѣн.

И вѣнѣ, ты мѣтѣтѣн на чреки пирамид,
У разѣлах колѣны вѣртнѣх дѣтѣх Ионд,
В траннѣтѣх сѣтѣтѣх на снѣтѣх манускрѣтѣх.

Твой рѣк предѣтѣтѣх в тѣмнѣтѣх стрѣлах,
Лучѣм Оларѣса зѣтѣтѣх в тѣрѣтнѣх,
Бѣтѣтѣтѣх зѣтѣтѣх зѣтѣтѣх Ютѣтѣх!

1920

9

Отпечатано
в типографіи издательства „Шанхайская Заря“

понскій храмин.

М. Урванент.

Коричневый дракон козает, и потоки,
аэкоже хвосты сплѣкают по клѣтѣм.

На лѣвѣй вѣтѣрѣ аэриально-лѣтѣм
нефритовый бѣтѣк уйдѣт в угѣтѣх
и пудѣм уйдѣтѣтѣх ребѣтѣм.

Внѣзу — огромнѣй и горѣтѣй чернѣй вѣтѣ —
потрескавшійся гѣтѣ старѣтнѣх перѣтѣтѣх,
и брѣтѣтѣх зурѣтѣтѣх рад вѣтѣтѣх.

Прѣтѣтѣх зурѣтѣтѣх и аэролатѣх слѣтѣ
унѣтѣтѣх зѣтѣтѣх вѣтѣтѣх бѣтѣтѣх.

Шанѣтѣтѣх,
1922.

22

анка.

Вѣтѣтѣтѣх
Стѣтѣтѣх вѣтѣтѣх дѣтѣтѣх
На вѣтѣтѣх с утра.

Иѣтѣтѣх, то сѣтѣтѣх расѣтѣтѣх
У тѣтѣтѣх вѣтѣтѣх вѣтѣтѣх!

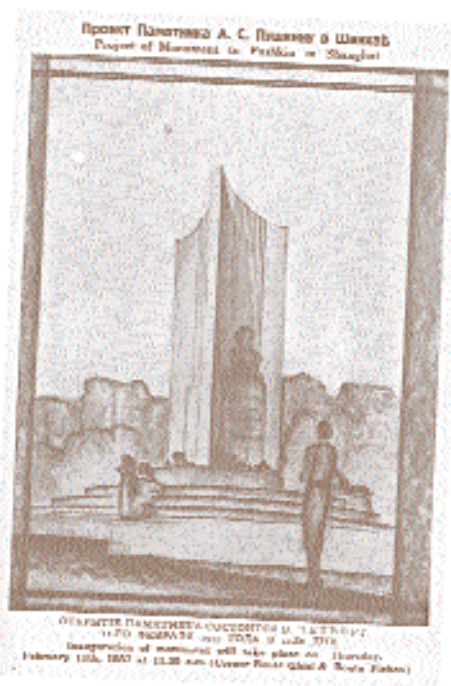
Хайкай.

(Шѣтѣтѣх Бѣтѣтѣх, ХУП вѣтѣ),

О, старѣтнѣй вѣтѣтѣх!
От прѣтѣтѣтѣх вѣтѣтѣх
Сѣтѣтѣх вѣтѣтѣх вѣтѣтѣх...

Тѣтѣтѣх,
1921.

23

комитет, взявшийся организовать ряд мероприятий. Так, было решено воздвигнуть памятник поэту – первый за пределами России. Бронзовый бюст поэта создал скульптор Подгурский. Однако во время японской оккупации бюст ночью украли (бронза была в большой цене). Примерно через два месяца французский полицейский обнаружил его на набережной в груди металлолома, готового к погрузке на японский пароход. Бюст установили на прежнем месте. В.А. Слободчиков вспоминает: «Мне передавал Лапикен, посетивший в 1937 г. на инаугурации памятника, что в настоящее время стоит другой бюст Пушкина и, как сказали китайцы, старый бюст был увезён в СССР, а из Москвы почему-то прислан другой, ничем не лучше прежнего».

Ещё одним крупным мероприятием Пушкинского комитета стало издание книги «Пушкинские дни в Шанхае». В ней четыре раздела: русский, французский, английский и китайский, помещены портреты поэта и знаменитых русских писателей с выдержками из их работ, посвящённых Александру Сергеевичу. Опубликованы также программы чествования поэта по случаю столетия со дня смерти. В своих воспоминаниях В.А. Слободчиков замечает: «Этой драгоценной книги нет даже в Пушкинском Доме в Петербурге, но в моей библиотеке сохранился её экземпляр».

Большинство довоенных изданий, представленных в коллекции, принадлежало Михаилу Васильевичу Щербакову – поэту,

прозаику, фотографу, путешественнику, человеку талантливому и неординарному. Родился Михаил Васильевич в 1890 г. в Москве, с детства обучался французскому, немецкому и английскому языкам, увлекался книгами по истории и археологии. Однако образование предпочёл получить в Императорском высшем техническом училище (ныне Московский технический университет им. Н.Э. Баумана), по окончании которого работал в подмосковном научно-исследовательском институте физики.

В августе 1914 г. Щербаков был мобилизован в армию и направлен в группе молодых офицеров, владеющих французским языком, во Францию; в Лионе прошёл краткосрочный курс военной фотоаэросъёмки. Затем он был отправлен в Салоники, где принимал участие в военных действиях французской авиации, что было связано с большим риском для жизни, поскольку в то время парашютов ещё не было.

После войны Щербакову было предоставлено французское гражданство и работа в Индокитайском банке в Ханое. Однако конторская служба не пришлась по душе Михаилу Васильевичу, и он переехал во Владивосток. Там он познакомился с Вс. Н. Ивановым, Арс. Несмеловым, Леонидом Ещиным и занялся литературным трудом. В 1922 г. с большой группой беженцев он уехал в Шанхай и поступил на службу во французскую полицию. В первый же свой длительный отпуск Щербаков отправился в плавание по тихоокеанским островам. Михаил Васильевич оставил не

очень большое, но интересное литературное наследие, где описаны многие восточные реалии. В некоторых рассказах из сборника «Корень жизни» (Шанхай, 1943) запечатлены черты маньчжурского быта.

Под председательством Михаила Щербакова работало литературное объединение «Понедельник». На авантитуле экземпляра своей повести «Чёрная серия» (Шанхай, 1931) рукой Михаила Васильевича надписано: «Содружеству «Понедельник» от председателя-автора. 12/12/31. Шанхай. М. Щербаков». После раскола «Понедельника» Щербаков стал организатором нового литературно-художественного объединения «Восток». Оно просуществовало недолго, но самым примечательным в его деятельности стало издание сборника «Врата» в двух книгах: первая вышла в 1934 г., вторая – в 1935-м. Обе книги прекрасно оформлены Василием Андреевичем Засыпкиным – одним из лучших русских портретистов в Китае, основателем художественных студий в Харбине и Шанхае.

Ещё до изобретения цветной фотографии Щербаков пробовал делать цветные фотоснимки, используя сочетание нескольких

светофильмов. Но эта процедура была весьма сложной и требовала, чтобы объект съёмки не шевелился, пока меняются светофильтры. Узнав, что во Франции братья Ру открыли способ фотографирования и красочного печатания снимков, Щербаков решил поехать во Францию для встречи с изобретателями. Не имея возможности взять с собой свои книги, Михаил Васильевич сложил их в подвале дома и попросил В.А. Слободчикова сохранить их. Через некоторое время Щербаков сообщил, что остаётся во Франции и выразил пожелание, чтобы Владимир Александрович когда-нибудь передал его книги в государственное хранилище в России.

М.В. Щербаков скончался во Франции в 1956 г., заболев душевной болезнью и покончив с собой в момент приступа. Однако его желание было исполнено. Часть коллекции погибла во время затопления подвала; книги Щербакова, сохранённые В.А. Слободчиковым, всё же вернулись в Россию и нашли своё достойное место в фонде нашей библиотеки.

В настоящее время сотрудники отдела готовят к выходу в свет печатный каталог коллекции В.А. Слободчикова.

Рисунок художника М. Урванцева из стихотворного сборника М. Щербакова.

